

Вырезка из газеты

ЛЕНИНСКАЯ
СМЕНА

г. Горький

21 АПР 1983

- Выставка посвящается М. Горькому
- Б. Окуджава: «Пишу исторический роман»
- Речка - чудо — река Сережа

КУРЬЕР МУЗ

— Булат Шалвович, как вы относитесь к термину «исторический роман»? Считаете ли себя историческим романистом?

— Нет, не считаю. У нас существует твердое убеждение, что есть историческая

проза, о котором вы пишете?

— Я не могу сказать точно, почему это происходит. XIX век мне симпатичен. Тогда жизнь была спокойнее, стабильнее. Вспомните, например, об умении писать пись-

мое издали с какой-то новой ступени, произвести своеобразную переоценку ценностей.

— Из чего вы исходите, создавая прозаические произведения?

— Я пришел в прозу из поэзии. В стихах я шел от слова, от словосочетания, чисто интуитивно. Потом ин-

туитивные источники, а не беллетристику.

— Почему главные герои ваших произведений — «маленькие люди»? Чем вы руководствуетесь, выводя их на первый план повествования?

— Великие люди всегда в глубине души догадываются, что они великие. А «ма-

МАСТЕРСКАЯ

«...Все остальное — история»

проза. Но попробуем вдуматься: разве Л. Толстой исторический романист? Нет, он просто очень хороший писатель. Сто, двести, триста лет — это так немного для человеческого общества...

— Какие вы ставите перед собой задачи, когда работаете над произведением на историческую тему?

— Самого себя анализировать трудно. Какова задача художника? Рассказать о себе, выразить себя. А уж как он это делает и на каком материале — на историческом, на современном ли — это зависит от самого автора, от его характера, темперамента и прочее.

Пока не привнесен в произведение автор, его личность, его страдания, пока на всех героях не лежит его отсвет — это не художественная литература.

Толстой есть в «Воине и мире» в любом герое.

Меняются экипажи, моды, а психология практически остается неизменной. Герой 150-летней давности такой же человек, как и любой из наших современников. Поэтому есть, наверное, специфическая историческая проза, но я себя к ней не причисляю. Я изучаю эпоху, но рассказываю с помощью тех образов о себе.

— Чем вам близок именно

Выпускница историко-филологического факультета Горьковского университета НАТАЛЬЯ ЛИСИЦЫНА работала над дипломным сочинением об исторической прозе Б. Ш. ОКУДЖАВЫ. В ходе своей работы она взяла интервью у известного писателя. Запись этой беседы мы предлагаем сегодня вниманию читателей.

ма. В наши дни, в век телефонов самолетов, телевизоров, люди разучились писать настоящие письма, превратили их в короткие сообщения, в которых доминирует слово «нормально». А раньше? По письмам, которые писали в XIX веке, мы можем судить о психологии людей.

— У вас нет произведений «современности». Почему?

— Я приведу высказывание одного историка: «Будущее — для фантастов, а все остальное — история». Ведь что значит — современность? Каждую минуту что-то безвозвратно уходит в прошлое, а значит, становится частицей истории, будь то история государства или история частного жизни обыкновенного человека.

Я не умею писать о настоящем. Мне нужно оглядеться, осмотреться, увидеть про-

туитивное восприятие наполнялось опытом. В прозе я исхожу из сюжета, из анекдота, который почему-либо меня заинтересовал.

— Можно ли при создании произведений на историческую тему пользоваться художественной литературой, рассказывающей об эпохе, которую автор собирается осветить?

— Ни в коем случае. Художественную литературу читать нельзя. Я уже говорил о субъективном подходе каждого автора к истории. Читая художественную литературу, невольно проникаешься авторским восприятием, невольно встаешь на ту точку зрения, которую предлагает писатель. Разве возможно после этого сказать что-то свое? Маловероятно. Поэтому в ходе работы над произведением на историческую тему надо изучать до-

кументальные источники, а не беллетристику.

— В романе «Путешествие дилетантов» значительное место занимает и образ Николая I — вполне историческое лицо. Расскажите, пожалуйста, о работе над ним.

— Я попробовал поставить себя на его место. Молодой человек, совершенно неожиданно оказавшийся во главе государства. И вдруг — восстание. О чем он думает? Надо подавить восстание, чтобы спастись самому. Россия — понятие десятое.

Я не оправдываю его и не сваливаю все на обстоятельства. Вина Николая в том, что он не усомнился в своей правоте. Я не люблю несомневающиеся людей. Прежде чем облагодетельствовать соседа, подумайте, нужно ли ему это. А Николай был твердо уверен, что России нужно его деяние. Обычно суждения подобного рода встречаются у людей невежественных.

Умение сомневаться, иронически относиться к самому себе — великое благо. У Николая этого умения не было. Отсюда (чисто психологически) — его жестокость, безмерное самолюбие и горькие ошибки, за которые расплачивались лучшие люди России...